

Семья фрей. - 1996 - 26
февр - 3 марта (№9) - с. 5-7.

МОЯ ЗВЕЗДА

Татьяна
Овсиенко

Дверь мне открыл мужчина в одеянии явно домашнем — футболка, шорты, шлепанцы. Он помог мне снять пальто, приготовил очень вкусный кофе... Из чего я заключила, что это, очевидно, новый муж Татьяны Овсиенко, потеснивший прежнего, продюсера Владимира Дубовицкого. Но вошла Таня и прояснила обстановку:

— Олег Дубановский, по-родственному — Алик. Он, как и я, киевлянин. Нет-нет, мы не родственники. Он профессиональный визажист. Когда я только начинала выступать, мысли не было, что есть какие-то визажисты. Все делала сама — красилась по принципу, абы побольше, размалевывалась так, что страшно вспомнить. Так же и с прической — тут начесала, тут зачесала, тут лаку нахлюпала. В результате очень сильно испортила волосы. Алик заставил меня постричься. Вот уже два года он живет с нами. Теперь только понимаю, насколько для артистки, да и для любой женщины важно, чтобы с ней рядышком был человек, который мог бы ей помочь хорошо выглядеть. Для меня Алик — как папа-мама. Он все успевает делать, такая хозяйшюка. Хотя я рано просыпаюсь, но он встает еще раньше, про все напомним, все подскажет — что когда надо делать, что одеть. У меня даже своего костюмера нет.

— **Как ты вообще попала в артистическую среду?**

— Случайно. У меня обыкновенные родители. Мама — лаборант, папа — водитель. Но они мне дали музыкальное образование. Я училась играть на фортепиано в музыкальной школе и пела в детском ансамбле «Солнышко». Мыслей о том, что я когда-то стану певицей, не было никогда. После окончания десятилетки пыталась поступить в техникум Гостиничного хозяйства. Неудачно. Пошла работать в интуристовскую гостиницу «Братислава». Там получила направление в этот техникум и со второго раза все-таки прошла. Когда закончила, вернулась обратно в ту же гостиницу и стала работать администратором. Кстати, считала это за счастье, потому что многие после техникума становились горничными.

...К нам на гастроли приехал коллектив группы «Мираж». Я ходила на все их концерты, мы познакомились. И как-то неожиданно мне предложили: «Чего тебе здесь сидеть, поехали с нами». — «Кем?» — «Костюмером». — «Поеду». Придумываю невероятную историю для директора гостиницы, и за 24 часа он меня увольняет. Вторая проблема — сказать об этом маме. Говорю: «Уезжаю работать в Москву, в Киеве больше жить не буду». У мамы шок. Ведь мы так долго добивались моей должности, получили, ну, куда ж лучше-то! Мама в слезы. Объясняю, что не могу по-другому, зачем ссориться, ругаться, я уже уволилась, обратно не возьмут. Все будет нормально, не волнуйся... Так и уехала, захватив свои манатки и несколько игрушек, которые любила с детства.

Сначала жила то у одного музыканта, то у другого. То есть ребята брали меня домой, в свои семьи. Стала штатным костюмером коллектива.

— **На этом поприще признания не получила?**

— Почему же? Как потом говорил директор, я была одним из лучших костюмеров. Но это был период, когда девчонки — Наташа Гулькина, Наташа Ветлицкая, Света Разина — стали расходиться, создавать свои собственные коллективы. А альбом с новыми песнями Литягина был готов к выпуску. И вот как-то я стою за кулисами, смотрю, как девчонки выступают, и слышу разговор — директор говорит Литягину: «Может, попробуем Овсиенко, она мурлыкает все время что-то». А тот отвечает: «Да ты с ума сошел, она толстая, как корова, куда ее на сцену!»

Я на самом деле была настоящая хохлушка-толстушка, с такими щеками! Ну, и со всем остальным. Мне казалось, что все у меня хорошо и нормально. Но когда такое услышала — стало безумно стыдно. Они решили пока поработать над этим альбомом со мной, а за это время подыскать кого-нибудь подходящего. Я испугалась, что никогда не смогу выйти на сцену. Но главное, у меня все время на уме — что выгляжу коровой. За месяц я похудела на 17 килограммов — было 65, стало 48.

— **На нервной почве?**

— Наверняка. Я всегда говорю, что нервы лучше любой диеты. Правда, я и есть совсем перестала. Так боялась нашего композитора и так перенервничала перед встречей с ним, что после концерта упала в обморок.

— **Голодный?**

— Возможно. Но после этого он сказал — все, хватит, теперь кушай... Так я осталась в коллективе единственной солисткой. А сейчас мы закончили уже мой пятый сольный альбом «Надо влюбиться». Мне как-то ближе молодые начинающие композиторы, совсем почти неизвестные. Последний альбом мы написали с Игорем Зубковым. Игоряшка закончил консерваторию, очень грамотный мальчишка, интересный, веселый. Я когда первый раз его увидела — смешной, в кепарике, думаю, что же он мне напишет. А он написал «Женское счастье», «Школьная пора»... Что-то в нем есть настоящее, чистое, доброе, о котором мы все стали забывать.

— **Кстати, как сейчас проходят концерты?**

— В последнее время езжу из города в город — смотреть больно на наш народ. Вечерние концерты не делают практически нигде, народ боится выходить на улицу. Когда такое было? Люди боялись раздеваться в гардеробе — все сидят в одежде... Очень трудно их растормошить, но я стараюсь с самого начала находить контакт.

Иногда бывают потешные случаи. У меня есть песня «Запомни меня молодой и красивой». Обычно во время исполнения иду в зал, выбираю кого-нибудь по теме. Как-то села мужчине на колени, пою про то, что было, рядом — его жена. Смотрю, она меняется в лице и просто спихивает меня, да со всеми русскими народными словами... Я, разумеется, улыбаюсь, в зале смех, а она не унимается...

А на моем самом первом сольном концерте в Саранске я безумно боялась, вышла на сцену и встала пнем — у меня так дрожали ноги, что я боялась их сдвинуть с места, спасибо музыкантам, помогли немножко расслабиться. Когда закончился концерт, на сцену вы-

Таня мужа видит редко...

шла девочка и подарила живого котенка. Эта кошечка потом долго ездила со мной на гастроли, любила пристраиваться в самолете — на сиденьях сверху и спать на цветах.

— *Что бы ты сама подарила себе?*

— Мне говорят, что я немножко «с приветом» по поводу работы. Она у меня на первом месте, и это обижает моих близких. К работе я отношусь болезненно, ревностно, и мне кажется, что, когда ее не будет, я умру. Поэтому первая моя мечта — иметь свою студию. Конечно, это нереально, нужно слишком много денег. А еще мечтаю открыть дом для бездомных собак. Даже не обязательно бездомных. Я, например, когда уезжаю, безумно скучаю по своей собаке, болит душа — как она.

— *Кто же ее опекает?*

— Негритенок. Он однажды пришел ко мне за автографом. Захожу в подъезд, сидит на батарее — такой черненький, смешной. Говорит по-русски: «Таня, подпишите, пожалуйста». Разговорились. «Я вижу, у вас собака, давайте буду помогать». А моя собака здоровая, московская сторожевая. Я обрадовалась, поблагодарила. Выяснилось, что он сирота, ни матери, ни отца, живет у бабушки с дедушкой, по паспорту — Сергей

Джорджович Тамбераджа, русский. Там три беленьких ребенка, три черненьких — все от разных отцов. Он после 7-го класса нигде не учился... И чего-то мы с ним так сроднились. Он гулял с собакой, потом мы поменяли квартиру, ему стало далеко ездить, и я попросила бабушку разрешить ему у нас ночевать. Какие-то деньги сначала платила. Потом он совсем сжился с нами. Не то чтобы сын, не то чтобы друг, но какой-то член семьи. Так уже 4 года живем вместе. Недавно получили на него повестку в армию. Не могу себе представить, какой из него российский воин? Смешно. Надеюсь, все-таки не заберут. Он сначала хотел быть телохранителем, теперь обещает пойти на автокурсы. Спрашиваю: «Ты прочитал хоть одну книгу в своей жизни?» — «Да, анекдоты». Мне хочется отдать его в вечернюю школу. Кстати, он встречается с девушкой, которая была моей поклонницей. О нем все артисты знают, приходит со мной на концерты, садится в первый ряд, всем хлопает, всех любит.

— *Тебя не мучает эмигрантская болезнь — ностальгия по родине?*

— Меня мучает только то, что я должна оформлять декларацию, границу проходить, чтобы поехать домой. Гражданство у меня осталось прежнее, хотя прописка уже два года московская. Меня мучает, что я не в силах помочь своим родителям. Отец всю жизнь с 16-ти лет был водителем, постоянно работал

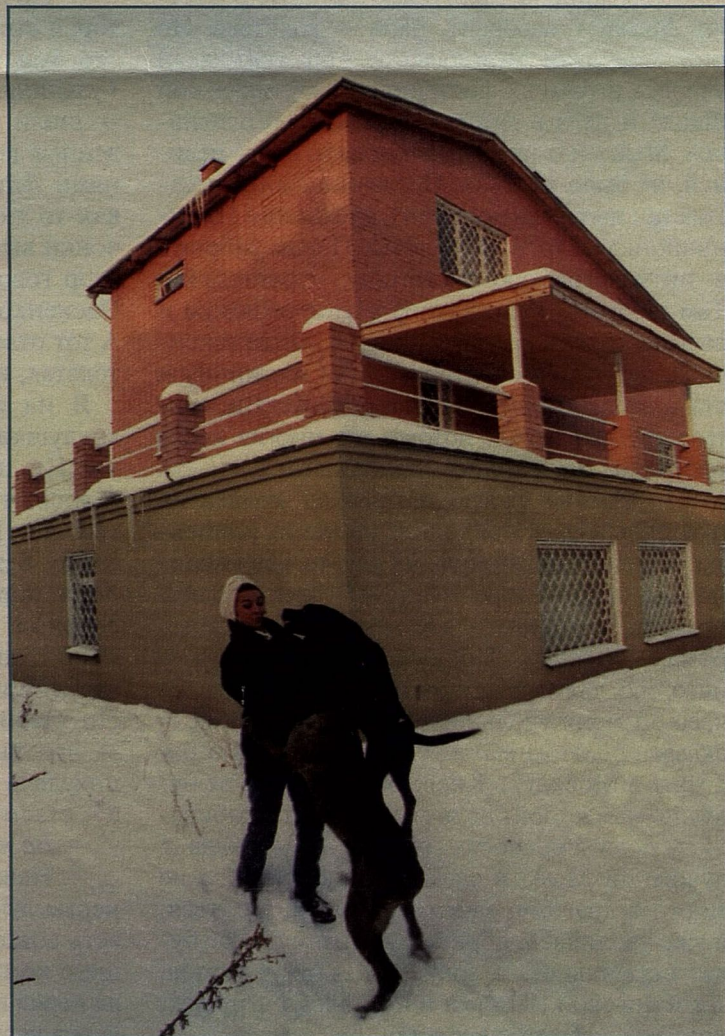
на одном и том же предприятии, фанатик этой работы, носился со своей машиной, она у него всегда чистенькая, аккуратненькая, все время ездил в командировки. Сейчас сократили, потому что, видите ли, вокруг — границы, ездить нельзя, бензина нет. И он сидит дома в свои 58 лет, по привычке просыпается в 5 утра, а делать ему нечего. Я звала его сюда — не хочет, все равно приходит на работу. На это смотреть без слез невозможно. А мама... Всегда у нас все было. Мама мне привозила в Москву из Киева гостинцы — ей казалось, что я все время голодная. А сейчас наоборот — я высылаю посылки, вещи, потому что им нереально это купить...

— *Какая самая неправдоподобная сплетня про тебя?*

— Что я лесбиянка. Когда узнала — просто рассмеялась. Может, так говорят из-за того, что все мои поклонницы — девчонки. Ну и что из этого следует? На самом деле девчонки со всех городов звонят, пишут, все с какой-то несчастной любовью, думают, что я им что-то расскажу и все станет счастливо.

— *Не надоедают?*

— Иногда прямо до трагедии доходило. Одна все писала, звонила. Однажды я торопилась и ответила ей несколько раздраженно. После этого она достала всех, меня буквально довела до сумасшествия. За три дня, может быть, был перерыв между телефонными звонками в пять минут, не больше. Это длилось круглые сутки. Я и плакала, и просила, и кричала, пришлось обра-

щаться в милицию. Уже ее бабушка умоляла, чтобы я сказала девчонке: «Целую». А я не то что целую... Закончилось тем, что она приехала, попросила прощения, мы нормально поговорили. Она всегда знает, когда я уезжаю, приезжаю, звонит, как часы, и хоть две минуты я должна ей уделить.

Другая меня так напугала! Приехала ко мне, открываю дверь — ревет. «Чего ты плачешь? — говорю. — Хочешь, пройди в комнату, только времени нет с тобой разговаривать». Ой, я тебя люблю, плачет. Я пытаюсь как-то по-человечески ее успокоить. Но времени до концерта остается совсем мало,

я уже не могу с ней говорить. Вдруг она откуда-то выхватывает бритву — и себя по рукам. Боже, как я кричала: «Вова, мама, спасите, помогите!» Сама боюсь, руки трясутся, мама с ней возится, заматывает. Ужас. Потом, когда она успокоилась, я сказала: «Все, даже на порог не пушу, знать не хочу». Теперь письма шлет... Так что разные есть поклонницы, но в основном нормальные девчонки.

— *На личную жизнь времени хватает?*

— Практически нет. Я замужем уже 5 лет, и за последние годы единственный отпуск мы провели вместе на этот Новый год. Я работала в Арабских Эмиратах, и Вова поехал со мной. Это большое достижение нашей семейной жизни. Обычно мы видимся редко. Бывает, приезжаю — он на даче. Пока один чемодан освободишь, другой заполнишь — увидеться не успеваем. Это очень плохо, я даже говорила ему — сами не задумываемся над тем, что семейная жизнь отходит на задний план. Хотя, судя по нашей поездке в Арабские Эмираты, можно было подумать, что мы познакомились только вчера.

Беседовала Татьяна ЗАЙЦЕВА
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

